

МЕСТО ДВОЙНИКА В ЕГИПЕТСКОЙ ОНТОЛОГИИ И АКСИОЛОГИИ

Представления о Двойнике были одной из важнейших составляющих египетской культуры и играли огромную роль на протяжении всего ее существования. Поэтому сейчас было бы разумным дать краткий обзор их видоизменения в общем контексте многотысячелетнего развития страны. Для этого следует проследить динамику распространения изображений в рамках гробницы как единой системы, накладывая получившиеся результаты на картину истории и духовной жизни Египта III – I тысячелетий до н. э.

История мира-Двойника начинается в Старом царстве. Это была эпоха, удивительная во всех отношениях, и специфика ее наложила сильнейший отпечаток на все египетское мировоззрение, в том числе и на представление о Двойнике. Быстрый взлет производительных сил впервые сделал возможными грандиозные достижения в самых различных областях жизни и породил у верхушки общества в высшей степени оптимистическое восприятие окружающего мира и своего места в нем. Вместе с тем это было время архаической простоты идеалов, так что основным мерилom жизненного успеха и счастья было достижение чисто материальных благ. Служба давала высокопоставленному чиновнику все, о чем он только мог мечтать, а полнейшая зависимость от царя, когда ни один вельможа не был гарантирован от телесных наказаний [*Urk. I, S. 75:14*], не воспринималась как нечто унижающее личность, ибо наказание, исходящее от божества, не может быть унижительным. В результате стремление к простым радостям жизни было самодовлеющим, не оставляющим места [226] для каких-либо сомнений морально-этического плана, для размышлений на отвлеченные темы. Основная мудрость этой эпохи — хорошая служба гарантирует хорошую жизнь.

Четкая организация жизни общества создала поразительную стабильность на протяжении столетий. В условиях этой стабильности, сочетавшейся с бюрократизацией всех сторон жизни, у египтян не было и не могло быть идеала героя, игравшего столь важную роль на ранних этапах развития других народов; на месте его стоял удачливый карьерист, довольный своим положением и своей жизнью [Большаков, Суцевский, 1991]. Тем не менее это не мешало появлению характеров сильных и деятельных — человек мог стать винтиком в огромном государственном механизме, но мог, начав с низших ступеней чиновничьей иерархии, благодаря личным заслугам подняться на недостижимую высоту.¹ Сама жизнь учила его строго выполнять приказания начальства, но при этом всецело полагаться на себя, проявлять инициативу, никогда не останавливаться на достигнутом. Искусство Старого царства прекрасно отразило этот дуализм стремления к довольству и спокойствию через жизнь без успокоения — бесчисленные стандартизированные условные изображения сочетаются с прекрасно передающими эти деятельные характеры портретами, по которым одним мы и понимаем, сколько страсти, скрытой за внешней холодностью, вкладывал египтянин в свои служебные дела.

Сбалансированность и стабильность повседневной жизни были настолько велики, что богам в ней оставалось лишь очень скромное место; впрочем, это нисколько не ставило под сомнение их огромную роль в мироздании. «Да, они существовали где-то там, и — в этом можно было не сомневаться — они создали этот отличный мир, но мир был хорош потому, что человек был сам себе хозяином и не нуждался в постоянной поддержке богов» [Frankfort et al., 1946, p. 96 = 1951, p. 106]. Находясь в полной зависимости от царя и от всех вышестоящих по службе, человек в то же время не выступал в роли просителя перед божеством, ибо цели, которые он перед собой ставил, были достаточно просты и прозаичны, так что достигнуть их можно было и самостоятельно, без вмешательства высших сил. Таковы были взаимоотношения личности и бога; что же касается окружающего мира, то,

¹ Например, знаменитый *Wnj*, который собственными руками создал СВОИ блестящую карьеру.

разумеется, для его функционирования постоянное участие божества было необходимо. Эта роль, однако, в значительной степени передавалась царю — существу нечеловеческой природы, священному настолько, что даже ближайшее окружение не имело прав лицезреть его. Царь, важнейшей функцией которого было обеспечение и совершение жертвоприношений богам, т. е. наделение их зрением, жизнью, воспринимался в результате как организатор и регулятор [227] миропорядка, т. е. как важнейшее божество, в известной степени превосходящее и заменяющее других.

Соответственно и жизнь мира-Двойника также не требовала присутствия богов, но, кроме того, человек становился в нем независимым от стоящих над ним начальства и царя. Так в идеальном мире разрешался парадокс земной жизни — сочетание всеобщей иерархической подчиненности и осознания ценности личности. В результате вечное бытие могло быть не только равноценным земному, но и более радостным. Что же касается самого факта смерти, то мировоззрение Старого царства могло не уделять ему сколько-нибудь значительного внимания благодаря прижизненному характеру Двойника. Человек практически не умирал, ибо еще при его жизни в соответствующим образом оборудованной гробнице начиналась жизнь его мира-Двойника, продолжавшаяся затем вечно. Разумеется, это мироощущение лишь состоятельных слоев населения, оптимизм которых был стократ оплачен тяготами низов; о том, как соответствующие представления преломлялись в восприятии неимущих, мы, к сожалению, не знаем ничего и едва ли сможем узнать что-то в будущем.

Таким образом, устройство мира-Двойника всецело соответствовало жизнерадостности и оптимизму знатного человека Старого царства и, в свою очередь, гарантируя вечное продолжение идеального существования, само способствовало расцвету этого оптимизма. Казалось бы, мир-Двойник настолько хорошо обеспечивает потребности знатного египтянина и настолько полно соответствует его мечтам, что конкурировать с ним не может ничто. Однако примечательно, что до конца V дин. изображения могут находиться только в наземных помещениях гробницы, но не в погребальных камерах [Большаков, 1982]. Это имеет принципиальнейшее значение. Ведь при наличии средств египтяне стараются заполнить изображениями все помещения, изображения стремятся занять все «экологические ниши», так что если есть место, где они отсутствуют, это означает, что их туда что-то не пускает, что «ниша» уже занята.

И в самом деле, когда изображения наконец появляются в склепе, становится ясно, что их там страшно боятся. Первоначально показывают лишь неодушевленные объекты,² а иероглифов, имеющих вид живых существ, избегают, придумывая новые фонетические написания (например, → , →). Если же это почему-либо невозможно, целый знак заменяют его частью (например, → , →) или его «калечат» или «убивают», отсекая голову (например, → , →) [см.: Lacaу, 1926-3; ср.: Lacaу, 1913]. [228]

При VI дин. запрет на изображения живых существ понемногу смягчается. Особенно интересно изображение на северной стене погребальной камеры $\epsilon nh(j)-m-\epsilon hr(w)$ (царствование *Tij* [Kanawati, 1980-2, p. 24–27]). Оно в деталях воспроизводит традиционную сцену трапезы, но стул перед столом остается пустым, хотя над ним надписаны титулы и имя хозяина гробницы [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 6 = Badawy, 1978, fig. 80]. Еще одна попытка была предпринята в гробнице *Hnnt* и *Mnw* в Шейх Сайде. Здесь использован менее изощренный, однако также остроумный метод — всю восточную стену погребальной камеры занимает большой список жертв, а сцена трапезы под ним настолько мала, что остается почти незаметной [Davies, 1901-2, pl. 26].

В Гизе правила, похоже, соблюдались менее тщательно, и здесь $K3(j)-hr-pt\dot{h}$ (Г № 5560), чья мастаба примерно синхронна с $\epsilon nh(j)-m-\epsilon hr(w)$ [Harpur, 1987, p. 271:279],

² Наиболее ранние случаи $N(j)-\epsilon nh-b3$ [Hassan, 1975-3, pl. 16-29] и $Jhhj$ (гробница узурпирована $Zšš.t / Jdw.t$) [Macramallah, 1935, pl. 21–24, 26].

поместил в погребальной камере обычную сцену трапезы [Junker, 1947, Taf. 21, Abb. 56]. Еще смелее был $R^c(w)-wr(w).f III$ (ГЛ № 94), осмелившийся показать слуг с приношениями и заклание жертвенных животных [Hassan, 1944, p. 296–297]. Наконец, $K3(j)-m-^c nh$ (Г № 4561) воспроизвел в погребальной камере практически все изобразительное оформление часовни [Junker, 1940-1, Taf. 3–17].³

Это может означать только одно: изображения, совершенно необходимые наверху, чрезвычайно опасны для чего-то, находящегося внизу. Такое диаметрально противоположное отношение к ним должно объясняться существованием особых представлений о погребальной камере. И действительно, бесконечное множество памятников свидетельствует, что в склепе по представлениям египтян локализовался совершенно особенный, независимый и принципиально отличный от мира-Двойника мир. Необходимость его выделения и основные его свойства были недавно четко сформулированы О.Д. Берлевым [Hodjash, Berlev, 1982, p. 14–15].

Если мир-Двойник предельно реалистичен, связан с религиозной стороной жизни лишь необходимостью жертвоприношений, имеющей [229] рудиментарный характер, то мир погребальной камеры сугубо трансцендентален, фантастичен, загадочен. В силу этого его можно лишь описать текстами, но не изобразить, ибо в Старом царстве египтяне практически не изображают ничего фантастического.⁴ Описание текстами в такой же мере является «созданием» этого мира, как изготовление изображений — «созданием» мира-Двойника. К сожалению, специфика издания, в котором Берлев изложил свою концепцию (музейный каталог), не позволяла ему дать сколько-нибудь развернутую картину, однако для наших теперешних целей будет достаточно простой констатации трех выделенных им основных характеристик этого мира: локализации его в погребальной камере,⁵ трансцендентальности и способа «создания» и фиксации при помощи текстов. Берлев назвал его «миром трупа», однако точнее было бы название «мир $b3$ », так как представление это связано не с самой мумией, а с тем проявлением человека, которое имеет отношение к склепу, т. е. с $b3$; этим названием мы и будем пользоваться в дальнейшем.

Все перечисленные особенности мира $b3$ и даже сам факт его существования становятся понятными лишь по более поздним памятникам, начиная с Текстов саркофагов, склепы же Старого царства религиозных текстов не содержат, так что создается впечатление, что староегипетская действительность второго «гробничного мира» не знала. До сих пор широко бытующим остается мнение, что в Старом царстве представление о $b3$ распространялось только на богов и царя, но не на людей, и лишь после смут конца Старого царства $b3$ стал принадлежностью каждого египтянина (например, [Žabkar, 1968, p. 58–61, 90]). Однако это выглядит невероятным. Во-первых, на притолоке входа в мастабу $Hr(j)-mr.w / Mrrj$ (Саккара) конца VI дин. наряду с $k3$ упомянут уже и $b3$ [Hassan, 1975-3, pl. 56, fig. 39], так что связь его «появления» у людей с так называемой «демократизацией» I Переходного периода представляется явно надуманной. Во-вторых, в Текстах саркофагов, впервые

³ Н. Канавати [Kanawati, 1988-2, p. 137] реконструирует другую хронологическую последовательность погребальных камер с изображениями: $K3(j)-m-^c nh$ с полным набором сцен (согласно его датировке — царствование $Jzzj$) → $K3(j)-hr-ptj$ → $^c nh(j)-m-^c hr(w)$ → погребальные камеры без изображений живых существ. Канавати не приводит никаких доказательств своей теории, и полученные результаты его даже несколько удивляют [ibid., p. 137–138]. Это и неудивительно: его датировка $K3(j)-m-^c nh$ ни на чем не основывается, и вместо логичного поступательного развития он получает невозможное мгновенное появление всецело сложившегося нового оформления у $K3(j)-m-^c nh$ и затем постепенное ее вырождение. Напротив, традиционная хронология, в которой $K3(j)-m-^c nh$ является не началом, а результатом развития оформления погребальных камер, не создает никаких проблем.

⁴ Разумеется, в храмах имелись изображения богов, но для храмовой реальности присутствие божества было нормой, а не чудом. В гробницах же частных лиц чудесное было невозможно.

⁵ Локализацию миров в гробнице не следует понимать слишком буквально. Выше (гл. 7, § 6) было показано, что говорить о каком-либо конкретном расположении мира-Двойника бессмысленно; то же самое относится и к другому миру. Когда мы говорим, что какой-либо мир локализуется в каком-либо помещении гробницы, это означает, что в данном помещении находятся средства «создания» этого мира — изображения или тексты.

описывающих мир *b3*, он появляется сразу и в таком разработанном виде, что необходимо предполагать его длительное, но скрытое существование в Старом царстве. Возможно, что о *b3* частных лиц предпочитали не говорить, чтобы не профанировать идею *b3.w* — «мощи», бывшей атрибутом исключительно [230] царским и божеским.⁶ Таким образом, в погребальных камерах Старого царства уже локализовался мир *b3*, не пускавший туда мир-Двойник. Однако значительной роли он еще не играл — красочный, понятный, чувственный мир-Двойник совершенно заслонял его.

Два мира староегипетской гробницы качественно разнородны, поэтому изначально они существуют отдельно, имея каждый свою локализацию и не вступая ни в какие контакты.⁷ Лишь на рубеже V и VI дин. происходит серьезный перелом, проявившийся в записи на стенах пирамиды *Wnjs* Текстов пирамид и в примерно одновременном появлении изображений на стенах погребальных камер частных лиц. В том же русле лежит тенденция конца Старого царства к приближению сердаба к склепу [Большаков, 1982, с. 100]. Вероятно, причина всех этих нововведений была чисто практической — потребовалось компенсировать ненадежность припирамидного и гробничного культа, которая стала со временем очевидной.⁸ В случае с погребальными камерами частных лиц это нововведение означало начало конца предельно четкого и оптимистического староегипетского мировоззрения — началось смешение двух разнородных миров, которое в дальнейшем в значительной степени определяло тенденции развития представлений о потустороннем.

Первоначально собственно смешения даже и не происходило — просто в склеп переместились некоторые сюжеты изображений часовни; мир-Двойник несколько расширился, практически не изменяясь и, видимо, не влияя на мир *b3*. Высшее проявление этого процесса — погребальная камера *K3(j)-m-ḥnh* (Г № 4561), в которой представлены все группы сцен наземной части. Возможно, что при сохранении политической и экономической стабильности в стране экспансия мира-Двойника в погребальную камеру могла бы если и не подавить мир *b3*, то, во всяком; [231] случае, оказать серьезнейшее воздействие на дальнейшее развитие египетского мировоззрения. Этого, однако, не произошло — начался I Переходный период.

Гибель Старого царства, позднее воспринимавшаяся египтянами как величайшая трагедия в их истории, ибо был разрушен миропорядок, восходящий еще к эпохе богов, оказала сильнейшее воздействие на представления об инобытии. Из-за общего обеднения страны почти никто уже не мог создавать в своей гробнице большое количество изображений, так что обычно все ее оформление сокращалось до небольшой стелы низкого качества. Разумеется, и одного-единственного изображения на стеле достаточно для обеспечения жизни Двойника, но такое резкое сужение его мира после роскошеств V–VI дин. требовало компенсации и вело к переносу центра тяжести на мир *b3*, «создававшийся» без больших материальных затрат. С другой стороны, смуты I Переходного периода, как это всегда бывает в сложной политической ситуации, дали сильный толчок работе мысли и оказали чрезвычайно стимулирующее воздействие на развитие этического элемента в религии, в зачаточном состоянии появившегося еще в конце Старого царства. Ярчайшим проявлением этого процесса является так называемая «пессимистическая литература», впервые выразившая если не сомнение, то во всяком случае неуверенность в традиционных

⁶ Так эту проблему трактовал в частных беседах Ю.Я. Перепелкин, и, вероятно, его объяснение наиболее правильно.

⁷ Точнее говоря, одна точка пересечения двух миров все-таки существовала — тело умершего. На ранних этапах египтяне еще не умели консервировать тело, изготавливать настоящие мумии, но это их несколько не смущало. При помощи специального пеленания небальзамированного трупа или заливки его гипсом создавали подобие тела — куклу, муляж. При этом труп, естественно, разлагался, но видимость тела сохранялась. Таким образом, мы имеем здесь дело, по существу, с созданием изображения и, следовательно, с проникновением мира Двойника в мир *b3*. К сожалению, мы слишком плохо знаем погребальные обычаи этой поры и не можем сказать, насколько важным было это соприкосновение двух миров.

⁸ Правда, остается непонятным, почему к мысли о необходимости такой компенсации пришли именно в это время. Приходится признать, что мы все еще очень далеки от понимания деталей происходивших процессов.

ценностях. В мире-Двойнике с его сугубо прагматической направленностью никакой духовности просто не было места, так что она была возможна только в мире *b3*. Однонаправленное воздействие этих двух факторов вело к доминированию мира *b3* над миром-Двойником. Результатом было появление Текстов саркофагов — первого описания этого выходящего на передний план дотоле скрытого мира.⁹

Этот мир изучен все еще неудовлетворительно, но интересующие нас характеристики его вполне понятны. По сравнению с миром-Двойником он имеет две основные особенности. Во-первых, он предназначен не для одного, а для всех; во-вторых, в нем есть место для чудесного, в том числе и для божеств. Первое ведет к тому, что он копирует египетское государство, второе — к тому, что во главе его стоит царь, в роли которого здесь выступает бог *Js.t-jr.t*. Эта функция *Js.t-jr.t* предопределена его природой и в высшей степени естественна. В силу своего светоносного характера *Js.t-jr.t* отождествляется с солнцем, но так как он является живым мертвецом, это солнце потустороннее. Поскольку реальное солнце единственно с царем, то и потустороннее солнце *Js.t-jr.t*, также должно быть царем — царем того света. [232]

Появление в мире *b3* бога *Js.t-jr.t* существенно изменило положение умершего. Если в староегипетском мире-Двойнике его хозяин был абсолютно независим, то теперь человек из господина превращался всего лишь в одного из подданных *Js.t-jr.t*. В результате все большую роль начинают играть добрые и злые дела человека в его земной жизни, что в дальнейшем приведет к мысли о воздаянии.

Эти идеи всецело принадлежат к сфере представлений о мире *b3*, однако последний существует уже не в чистом виде, как это было в Старом царстве. Особенно явственно смешение разнородных элементов выражается в наличии на саркофагах с Текстами изобразительных «фризов предметов».

Цари Среднего царства сумели стабилизировать ситуацию в стране, так что времена старинного процветания, хотя и с иной окраской, снова возвратились в Египет. В области мировоззренческой это проявилось в исчезновении Текстов саркофагов. Вероятно, оно объясняется тем, что снова стало возможным создавать большие изобразительные композиции в гробницах, в богатейших из которых повторяются древние образцы оформления — мир-Двойник восстанавливает свои права. Немалую роль при этом играла, конечно, и ориентация на древность с ее величественными изобразительными памятниками.

Однако мир *b3*, разумеется, лишь отступил, но не исчез — в Египте однажды возникшие идеи не исчезали никогда. Это сказывается, например, в появлении в конце Среднего царства статуэток-ушебти. Поскольку ушебти служат «заместителями» умершего на царских работах того света, они имеют смысл только в том случае, если существует представление о загробном мире в масштабах государства, живущем по тем же законам, что и Египет. Это мир *bA*; в нем и функционируют ушебти, но сами они в силу своей изобразительной природы всецело принадлежат миру *kA* — смешение миров налицо, но оно воспринимается уже как естественное.

О серьезных изменениях свидетельствует и реинтерпретация жертвенной формулы, приведшая к появлению той ее редакции, в которой она будет существовать до конца египетской истории. Если раньше говорилось, что жертву приносят действующие равноправно царь и бог (обычно *Ipw* и/или *Js.t-jr.t*), то теперь этот параллелизм исчезает. Отныне формула утверждает, что царь приносит жертву богу, чтобы тот был милостив к человеку, на чье имя адресована формула. Царь, оставаясь подателем жертвы (разумеется, номинальным), уступает важнейшую функцию непосредственного обеспечения умершего божеству. Эта реинтерпретация едва ли проистекает из непонимания забытого смысла старой формулы: сама направленность изменения — перенос центра тяжести на связь, человека и богов — свидетельствует о том, что мы имеем дело с проявлением общего поворота культуры к трансцендентному объяснению мира. [233]

⁹ Первые Тексты саркофагов появляются при VI дин. в мастабе *Mdw-nfr* в Балате [Valloggia, 1986-1, р. 74–78, 1986-2, рл. 62–63]. Поскольку в силу провинциальной специфики в ней практически отсутствуют изображения, связь появления Текстов саркофагов с их исчезновением налицо.

Тем не менее в часовнях Среднего царства сохраняется мир-Двойник староегипетской традиции. Решительный перелом наступает позднее в связи с серьезными изменениями в жизни страны. Необходимость изгнания гиксосов и особенно последующие завоевания в Азии породили совершенно новый дух общества. Одним из чрезвычайно важных следствий общего процесса перемен было изменение отношения к божеству. Если в Старом царстве царь был абсолютно недоступным для человека существом, которое нельзя было видеть, случайное прикосновение к которому было опасно и требовало ритуального искупления,¹⁰ то теперь одной из важнейших его функций стала функция военачальника, непосредственного руководителя походов. Стоя во главе войска, царь не мог не приблизиться к своим подданным, ибо даже последний солдат мог видеть его в бою рядом с собой, причем не в божеском, а в самом земном облике, со всеми слабостями и чисто человеческой уязвимостью. Это несколько не снижало идею божественности царя, но существенно изменяло акценты, что само по себе немаловажно. К тому же во время военных походов, которые в первой половине Нового царства были почти непрерывными, царь подолгу находился за пределами страны, а возвращаясь назад, зачастую не доходил до своей священной столицы, Фив, предпочитая оставаться в Нижнем Египте. Таким образом, непосредственное управление страной совершалось хотя и по его приказам, но без физического его участия. Это также не наносило ущерба престижу царя, пока экономическая основа его власти не пошатнулась, но тем не менее вело к переносу центра тяжести в существовавшей картине мира. Прежде царь-бог как регулятор миропорядка в восприятии человека практически заменял собой весь пантеон, теперь же, ни в коей мере не утрачивая своей божественности, он частично передавал функции управления другим богам. Одновременно с этим значительная часть несметной военной добычи доставалась храмам, увеличивая их благосостояние и тем самым способствуя укреплению в массах авторитета соответствующих божеств, чему содействовала и целенаправленная политика жречества. В результате роль божества в жизни каждого египтянина чрезвычайно возросла. Это прекрасно проявляется, например, в широком распространении практики судебных оракулов: раньше такое непосредственное обращение человека к богу по сугубо бытовым поводам было немыслимо. Наряду с возрастанием роли бога происходило и изменение отношения к нему — оно становилось более личным. В Новом царстве увеличивается социальная активность низов, впервые в изобилии появляются памятники их представителей. Низам [234] же, находящимся под гнетом хорошо продуманной системы эксплуатации, необходим бог с основной функцией защитника [см.: Gunn, 1916; Матье, 1926]. Бог-защитник нужен и воину, сражающемуся с варварами в чужих и враждебных землях; к нему же взывает в битве, когда приходится туго, и сам царь. Постепенно в сознании египтян идея бога приобретает новый аспект: бог-регулятор миропорядка обретает функции бога-заступника. Первому можно поклоняться и бояться его нечеловеческой мощи, со вторым возможно личное общение, его можно просить о чем-то для себя, надеясь на выполнение испрошенного.

Такое изменение места бога в земной жизни человека не могло не сказаться и на представлениях о потустороннем. Бога начинают изображать, он впервые выходит в мир-Двойник. Процесс это очень постепенный, растянутый на столетия. Первые изображения богов на стелах частных лиц относятся к концу Среднего царства, но сколько-нибудь значительной роли они не играют.¹¹ Расцвет начинается лишь в Новом царстве, причем не носит характера резкого перелома. При XVIII дин. изображения богов важны только в гробницах цариц, в вельможеских же гробницах, хотя количество их и возрастает, они все еще сочетаются с традиционными реалистическими сценами. В постамарнское время изображения богов и религиозные тексты начинают преобладать, возможно, как реакция

¹⁰ Речь идет об известной надписи $R^c(w)-wr(w)$ [Urk. I, S. 232; Nassan, 1932, pl. 18], рассказывающей о том, как царь $Nfir-jr(j)-k3-r^c(w)$ должен был принести извинение (несомненно, ритуальное) человеку, которого случайно коснулся его жезл.

¹¹ В целом ряде случаев вообще не ясно, изображается ли поклонение самому богу или его статуе, что, разумеется, имеет принципиальное значение.

на идеи $3h(j)-n(j)-jtn$, и хотя некоторое количество старых сцен сохраняется, необратимая переориентация налицо.

События последующего времени закрепляют этот поворот. Египет перестает быть крупнейшей силой в своей ойкумене и становится игрушкой в руках последовательно сменяющих друг друга завоевателей. Правда, египетская идеология, согласно которой незаконного царя быть не может и, следовательно, любой коронованный в Египте пришелец является законным правителем и богом, сильно смягчала горечь унижения бывшего величия, но объективно это унижение существовало и серьезнейшим образом влияло на дух общества. В этой обстановке крен к трансцендентности совершенно естественен, и под знаком его проходит последнее тысячелетие египетской истории.

Как только в гробнице появились изображения богов, радикально изменилось положение человека в мире-Двойнике. Прежде Двойник жил в мире, где над ним не стояла никакая сила, теперь же рядом с ним обитает божество, и он, разумеется, оказывается в подчиненном положении. Рядом с богом человека можно было изобразить только в одном виде — во время молитвы, и сцены поклонения становятся в Позднее время (за исключением Саисского периода, ориентированного на старинные образцы) практически единственным элементом изобразительного оформления [235] гробниц.¹² Мир-Двойник в изначальном понимании, когда особую роль играла его независимость, исчезает. Все границы становятся крайне размытыми, представления разного происхождения перемешиваются и создают гетерогенную картину синкретического загробного мира, которая до сих пор остается непонятой в онтологическом отношении из-за того, что ее рассматривают в отрыве от описанного выше процесса предшествующего развития.

Одним из важнейших результатов перемен была четкая формулировка в 125 главе Книги мертвых дотолем туманных и неразработанных представлений о загробном суде и воздаянии. Отныне они выступают на передний план и играют огромную роль в египетском мировоззрении. Такое усиление этической составляющей религии имеет основу в изменениях в жизни общества, однако, с другой стороны, оно является следствием всей логики внутреннего развития идеи мира-Двойника. Ведь элементы представления о загробном суде имелись и в Текстах саркофагов, но независимость мира-Двойника не давала им развиваться, так как, предоставляя человеку другой вариант будущей жизни, она лишала суд неизбежности и, следовательно, какой бы то ни было этической ценности. Лишь размывание мира-Двойника и смешение его с миром $b3$ превратило суд в важнейший элемент представлений об инобытии, ибо вследствие отсутствия альтернативы он стал неотвратим. Это великое достижение египетской мысли, нашедшее наиболее яркое выражение во второй истории демотического цикла о царевиче $H(j)-m-w3s.t$ (Ch. II), ведущей прямо к евангельской притче о бедном Лазаре (Лук. 16:19–25) [см.: Gresmann, 1918], давало каждому, вне зависимости от его социального положения и возможности соорудить гробницу, надежду на воздаяние за добрые и злые дела, но одновременно оно означало гибель мира-Двойника. Мир $b3$ предоставлял человеку теперь большие надежды, чем мир-Двойник, и это вело к его победе над своим давним соперником. Правда, переход к новому не обошелся без потерь — навсегда были утрачены старинные оптимизм и жизнерадостность, возможные только в мире-Двойнике, хозяин которого абсолютно независим от кого-либо. Маленький и уютный, совершенно свой мир-Двойник, где все было просто и ясно, соразмерно человеку, а потому спокойно и надежно, сменился на огромную загробную вселенную, населенную богами, которых нужно просить о милости, и демонами, с которыми необходимо бороться при помощи соответствующих заклинаний. В этой вселенной человек был мал и ничтожен, свое место в ней он мог найти только благодаря специальным путеводителям, каковыми являются Книга мертвых и многочисленные поздние «Книги» заупокойного [236] характера. Всеобъемлющей становится ненужная в мире-Двойнике магия, без которой человеку не справиться со злокозненными врагами. Засилье

¹² Птолемеяевская гробница $P3-dj-js.t-jr.t$ (Πετοσίρις) в Туна эль-Гебель с настенными изображениями, восходящими к староегипетской традиции [Lefebvre, 1924], — памятник странный и уникальный.

магии ведет к преобладанию в поздней египетской религии бесконечно сложного, но совершенно формального благочестия, поражавшего античных путешественников своими масштабами и безжизненностью. К тому же размывание мира-Двойника оказало влияние и на отношение к смерти. В Старом царстве, где жизнь мира-Двойника фактически в неизменном виде продолжала земную жизнь, смерть не была трагедией; к ней относились спокойно и с достоинством. Поздний загробный мир качественно отличался от человеческого, был неуютен, загадочен, опасен, так что переход в него был серьезнейшим рубежом, а смерть превращалась в крушение всего привычного вокруг человека, была врагом, с которым нужно было бороться [см.: Zandee, 1960]. Это предопределяло трагизм позднего мировоззрения, не свойственный Старому царству.¹³

Однако было бы совершенно неверным полагать, что на поздних этапах мир-Двойник угасал бесследно; будучи подавляем миром *b3*, он в свою очередь влиял на него. Особенно хорошо это прослеживается на примере распространения изображений в гробнице — со временем они все больше приближаются к телу умершего. До конца V дин. они локализируются только в наземных помещениях, т. е. совершенно отделены от мира *b3*. С конца V дин, изображения появляются в погребальных камерах, но пока только на их стенах (кроме того, в склепах могут находиться и статуэтки). I Переходный период ознаменован появлением изображений («фризов предметов») на внутренних стенках саркофагов. В Среднем царстве впервые появляются антропоморфные саркофаги, которые позднее, начиная с Нового царства, становятся особенно распространенными; тем самым гроб превращается в изображение человека. Вместе с этим на смену «фризам предметов» приходят изображения богов, покрывающие наружные и внутренние поверхности саркофага. Теперь саркофаг представляет для умершего целый мир, ибо над ним распростерта изображенная на внутренней стороне крышки небесная богиня *Nwt*, рождающая солнце. Идея эта всецело принадлежит миру *b3*, но воплощение ее достигается средствами мира-Двойника.¹⁴ Эта же эпоха дает и еще одно нововведение — Книга мертвых кладется в саркофаг рядом с мумией, так что изображения («виньетки» Книги мертвых) оказываются в непосредственной [237] близости от тела. Наконец, для римского времени характерны мумийные пелены с сюжетными росписями, изображающими умершего среди богов. Теперь изображения предельно приближены к мумии. Таким образом, изображения все глубже внедряются в мир *b3*, так что в конце концов не остается ни одной свободной от них области. Поэтому, хотя мир-Двойник как таковой и гибнет в Новом царстве, элементы его — изображения — пронизывают мир *b3* и создают пестрый и страшно запутанный загробный мир Позднего времени, столь разительно отличающийся от того, что мы обнаруживаем в более ранние периоды.

Такова в общих чертах трехтысячелетняя история представления о мире-Двойнике. Как мы видим, ее основные этапы совпадают с важнейшими вехами в истории египетского государства, а все развитие рассматриваемой концепции лежит в основном русле развития египетского мировоззрения и в значительной степени его определяет. Разумеется, это всего лишь краткий очерк, не претендующий на полноту и завершенность, однако он является первой попыткой посмотреть на мировоззрение Египта под новым углом зрения, выделить представление о мире-Двойнике на том этапе, когда оно выступает в чистом виде, и проследить его последующую эволюцию во взаимосвязи с другими группами представлений. Создание более полной картины — дело будущего, но несомненно, что оно невозможно без четкого разграничения египетских «гробничных миров», которое является одной из важнейших проблем, поднятых в настоящей работе, и одновременно методическим принципом предпринятого исследования.

¹³ Речь идет только о представлениях об инобытии — в быту египтяне сохранили свою жизнерадостность и людьми мрачными не стали.

¹⁴ В Старом царстве представление о саркофаге как о матери умершего, т. е. *Nwt*, зафиксировано дважды — в надписях *ḥn(j)-m-ḥr(w)* [Firth, Gunn, 1926-2, pl. 60-1, 2] и *ḥnt(j)-k3(j) / Jḥlj* [James, 1953, pl. 31]. Отличие от более поздней практики разительно: поскольку мир-Двойник и мир *b3* в начале VI дин. были еще разделены, эта идея могла быть выражена только словесно, но не изобразительно.

ПРОБЛЕМА ДВОЙНИКА: УЧЕННЫЕ И ПОЭТЫ

Важнейшая задача, которую ставил перед собой в этом исследовании автор, — увидеть в сложных и запутанных египетских представлениях живого человека и попытаться понять основы его духовного мира. Отсюда интерес к психологии восприятия, к проблемам памяти и т. д. К сожалению, современная египтология уделяет всему этому минимальное внимание.

Ученые прошлого века, не скованные цепями специализации, были в своей работе гораздо гармоничнее, чем мы, и уж во всяком случае они не забывали, что конечным объектом любого исторического исследования является не памятник, сколь бы важен и интересен он ни был, а его создатель, живший тысячи лет назад. Они всегда пытались понять этого человека, перебросить через пропасть ушедшего времени мостик, связующий прошлое с настоящим. К сожалению, при тогдашней изученности памятников этот путь неизбежно вел к модернизациям, так что складывавшийся образ древнего египтянина отличался от европейца XIX века разве что тем, что этот гипотетический египтянин не носил галстука и постоянно восклицал: «Клянусь Амоном!». Здесь нет никакой насмешки — этим в равной мере, хотя и в разной форме, грешат и романы Г. Эберса на египетские сюжеты, и серьезные научные работы того времени. Но все же при всей наивности таких реконструкций духовного мира давно ушедших людей, они были далеко не бесполезными; если обратиться к нашей проблематике, достаточно вспомнить, что важнейшие наблюдения над природой *k3* были сделаны сто лет назад.

Стремительный рост числа источников, продолжающийся на протяжении всего XX века, привел к тому, что современный египтолог, и особенно египтолог, занимающийся вопросами мировоззрения, буквально [239] тонет в море памятников, которые он должен учесть, и зачастую просто не имеет возможности на минуту остановиться и посмотреть на занимающую его проблему со стороны. Даже обладая блестящей эрудицией, великолепным умением читать и интерпретировать тексты и прекрасным видением памятников, он обычно смотрит на проблему изнутри и нередко за деревьями не видит леса. Так складывается система ценностей египтологии, в которой техническим навыкам, ремеслу отдается все большее предпочтение по сравнению со свежестью взгляда и оригинальностью подхода. Этим египтология сохраняет свои традиции и защищает себя от дилетантизма, но одновременно она иссушает себя, поощряет увлечение мелочами и отодвигает человеческую личность как объект исследования на самый задний план.¹⁵

Положение усугубляется тем, что, подобно тому, как Древний Египет был изолирован от окружающего мира, так и египтология изолирует себя не только от смежных исторических дисциплин и естественных наук (в последнее время здесь происходят некоторые перемены к лучшему), но и от самой жизни. А ведь познание человека совершается постоянно, и методами не только научными.

Исследователи *k3*, не интересовавшиеся психологией, изучали главным образом лишь верхние, интерпретационные слои представления, не касаясь его эмоциональной основы. Между тем эти вопросы давным-давно являются объектом исследования писателей и поэтов. Действительно, воспоминание представляет собой одну из важнейших тем мировой литературы и едва ли не главную тему лирики. При этом образы, возникающие в памяти, описываются как ничуть не менее яркие и действительные, чем порождаемые сиюминутной реальностью. Это и понятно, так как речь идет о наиболее эмоционально окрашенных воспоминаниях, и эта окраска распространяется на весь ассоциативно связанный с ними комплекс событий, оживляя его. Если разница между настоящим и воспоминанием, сколь бы

¹⁵ Ср. хотя бы очерки египетской истории Г. Дж. Брестеда [Breasted, 1905] и Э. Х. Гардинера [Gardiner, 1961], каждый из которых написан на высшем для своего времени уровне, — во втором человек практически исчез.

ярким оно ни было, осознается, никакой патологии нет; она начинается лишь в том случае, когда человек этой грани не осознает, и прошлое становится для него реальнее настоящего, когда он, что называется, живет воспоминанием.

Таким образом, объект исследования писателя-психолога по сути своей очень близок к нашему, отличаясь лишь исходным материалом. Поэтому именно поэты, каждый из которых является в первую очередь исследователем человеческого сознания, ничего не зная о существовании *k3*, подошли к пониманию его сущности гораздо ближе, чем египтологи-профессионалы. Не случайно именно поэт, а не ученый, первым выдвинул четко [240] сформулированное положение о необходимости учета в египтологии особенностей древнего сознания: «Очевидно, какой-то путь между древним египтянином и современным европейцем... добросовестно изучающим Египет, затерялся, — обломился мост, и надо его построить, если это возможно. И конечно, это возможно. Но не одним изучением памятников Египта, а отрешением от нашего обычного, сближением нашей впечатлительности с впечатлительностью народов первобытных». Эти слова, которые по существу являются формулировкой одного из важнейших принципов исследования мировоззрений древности, принадлежат поэту по судьбе и мировосприятию — К. Бальмонту. Затерявшиеся в его книжке «Край Озириса» [Бальмонт, 1914, с. 113] среди измышлений на тему Древнего Египта и попыток объяснить египетскую древность с позиций эстетики символизма, могущих вызвать у ученого лишь улыбку, они, разумеется, прошли мимо египтологов и никакого влияния на науку оказать не могли. И все же они были сказаны в те времена, когда подобные проблемы профессионалов вообще не интересовали. Зато поэзия XX века благодаря своей метафоричности и исчезновению всяческих «словно» и «как будто» смогла дать массу аналогий египетскому представлению о *k3*, иногда совпадающих с ним в деталях. Все они основаны на «овеществлении», «реализации» воспоминаний.

В 1917 г. Б. Пастернак в стихотворении со знаменательным названием «Заместительница» писал:

*Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет,
У которой суставы в запястьях хрустят,
Той, что пальцы ломает и бросить не хочет,
У которой гостят и гостят и грустят.
Что от треска колод, от бравады Рокочи,
От стекляшек гостиной, от стекла и гостей
По пианино в огне пробежится и вскочит
От розеток, костяшек, и роз, и костей.
Чтоб прическу ослабив, и чайный, и шалый
Зачаженный бутон заколов за кушак,
Провальсировать к славе, шутя полушалок
Закусивши, как муку, и еле дыша.*

То, что фотография «хохочет», не является даже метафорой — смеется изображенная женщина и, следовательно, смеется и ее изображение. Однако уже следующая строка принципиально отлична, ибо треск суставов в фотографии никоим образом не закодирован, это информация, выходящая за пределы содержащегося в изображении, и, кстати, информация качественно отличная, имеющая не зрительное, а звуковое выражение. То же самое продолжается и дальше. Мы не знаем, в каком виде женщина изображена на фотографии, однако ясно, что она не может быть [241] показана одновременно ломающей пальцы, музицирующей, вальсирующей и поправляющей прическу — описание опять-таки превышает информацию, содержащуюся собственно в фотографии. Это информация об изображенном объекте, бессознательно хранящаяся в памяти воспринимающего изображение субъекта и извлекающаяся из памяти по пути ассоциативных связей при восприятии фотографии. Иными словами, в стихотворении вообще нет описания фотографии (за исключением разве что первой строчки — «хохочет», вероятно, действительно соответствует тому, что изображено) — это воспоминание об изображенной женщине,

живущей в памяти героя. Разумеется, для читателя и для самого Пастернака это лишь метафора, но она очень точно соответствует тому, что египтяне принимали за действительность, и прекрасно иллюстрирует сложнейшую часть представления о Двойнике — относительность его связи с изображением. Как у египтян Двойник связан с изображением и описывается через него, не будучи ему равным, так и здесь двойник-воспоминание шире фотографии, но описывается как сама фотография. В области эмоциональной между египтянами и нами здесь можно поставить знак равенства; все различия относятся к осмыслению — египтяне всецело полагаются на эмоции и все дальнейшие построения ведут с позиции абсолютного к ним доверия, мы же сразу отделяем эмоциональное от реального. Подобное препарирование стихов едва ли прибавляет что-то к их пониманию — скорее оно может убить всякую поэзию, — но приведенные строки Пастернака настолько хорошо иллюстрируют некоторые важнейшие положения этой работы, что автор не мог пройти мимо них.

Каждый читатель в соответствии со своими литературными пристрастиями может найти массу сходных примеров, мы же обратимся еще лишь к одному случаю того, как писатель-психолог может приблизиться к давно умершему и незнакомому ему древнему представлению. Это философский роман Ст. Лема «Солярис», в котором предпринята попытка изобразить материализацию образов, содержащихся в памяти человека. Для установления контакта с экипажем станции, находящейся на планете Солярис, мыслящий Океан, единственный обитатель планеты, материализует образы, хранящиеся в памяти людей, и эти материализовавшиеся существа начинают на станции свою самостоятельную, независимую от воли тех, кто их породил, и отнюдь не призрачную жизнь. Так на станции Солярис появляются двойники или, как их называют, «гости». Один из героев романа дает такое определение «гостей»: «Это не человек и не копия определенного человека, а лишь материализованные проекции того, что относительно данного человека содержит наш мозг». Едва ли Лем знал что-нибудь о египетском представлении и уж во всяком случае не от него он отталкивался, когда писал свою книгу, но тем не менее это определение «гостей» может служить великолепным определением египетского [242] Двойника. Совпадает даже то, что Двойник повторяет «оригинал» не совсем буквально — образ памяти неизбежно отличается от реальности в силу специфики отражения действительности человеческим сознанием. Особенно хорошо это отличие проиллюстрировано в фильме А.А. Тарковского «Солярис», являющемся самостоятельными вариациями на тему «Соляриса» Лема — Океан создает для героя фильма мир, живущий в его памяти, но создает его приблизительно, с искажениями, как это происходило и с миром-Двойником египтян. Более того, этот мир оказывается локальным мирком, сводящимся к дому героя и его окрестностям, за пределами которого нет ничего — поразительное совпадение с египетским представлением.

Закончим на этом наш небольшой этюд, который при желании можно было бы расширить до размеров самостоятельного исследования. Его присутствие в сугубо египтологической работе может показаться неуместным, но автор сознательно идет на это, ибо он хорошо иллюстрирует то положение, что в изучении древнего мировоззрения наравне со строгим анализом памятников необходим учет специфики человеческого восприятия, а также подтверждает высказанное ранее утверждение о сходстве бессознательных, эмоциональных составляющих древнего и современного сознания. Основанная на универсальности человеческой психики близость давно умерших представлений и образов современной литературы и искусства не только приближает нас к древнему египтянину, но и позволяет нам лучше понять самих себя — а ведь в конце концов именно ради этого и стоит заниматься историей.

[243] ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представление о *k3* — тема таких масштабов, что бессмысленно было бы надеяться раскрыть ее в рамках одной, пусть даже и весьма обширной работы; собственно говоря, это проблема вообще недоступная одному отдельно взятому человеку, ибо разносторонность и комплексность ее столь велики, что требуют не только огромных знаний во всех областях египтологии, которыми в наше время специализации не может уже обладать даже самый блестящий ученый, но и несовместимых в одном исследователе личностных характеристик — разных научных темпераментов, разных интересов, разных взглядов, принадлежности к разным культурным традициям и, наконец, поскольку речь идет об изучении представлений о человеке, — разных характеров, разных убеждений, разных жизненных позиций. Короче, проблема *k3* как целое доступна только работающему по скоординированной программе коллективу, взгляды членов которого могут расходиться по многим частным вопросам. Пока такого коллектива нет, всякое исследование неизбежно будет фрагментарным и незаконченным.

Такова и настоящая работа. Автор избрал один из важнейших аспектов *k3*, лучше всего документированный староегипетскими памятниками — связь *k3* с изображениями. Но даже и этот единственный аспект невозможно раскрыть полностью — ведь источником здесь может служить практически каждый египетский памятник. Это привело к построению работы по принципу связанных между собой общей темой и логикой очерков, каждый из которых на полноту не претендует, но в сочетании с остальными позволяет увидеть главное в избранной проблематике. Этот путь далеко не идеален, но он по крайней мере позволяет соединить подробное рассмотрение деталей с относительной широтой взгляда. Очень многое осталось несказанным, ряд вопросов, к которым мы подходили вплотную, был намечен буквально в нескольких словах, но важнейшую свою задачу автор видел в том, чтобы найти новый подход к старой проблеме и он смеет надеяться, что в общем эта задача решена. [244]

Теперь, вопреки традиции, требующей, чтобы заключение было посвящено прежде всего подведению итогов проделанного исследования, попытаемся обратиться к тем принципиальным проблемам, которые нами совсем не были затронуты, но путь к пониманию которых работа может облегчить.

У читателя, имеющего хотя бы минимальное представление о Древнем Египте, несомненно должно было сложиться впечатление, что предложенная картина представления о *k3* является не только неполной, но и слишком рациональной, последовательной, искусственно сконструированной — уже хотя бы потому, что ничего подобного мы не находим ни у одного другого народа древности. Автор с этим всецело согласен — за исключением того, что это искусственное построение было создано не им, а самими египтянами.

Множественность современных теорий *k3* объясняется противоречивостью самого древнего представления, разные стороны которого никак не согласуются друг с другом. Ко времени Старого царства, когда мы впервые можем реконструировать представление о *k3*, в нем слились очень разные по сути своей элементы. Можно выделить две основные составляющие, в равной мере определяющие специфику *k3* на интересующем нас хронологическом срезе. Одна из них была подробно рассмотрена выше. Обращаясь к вопросу «*k3* и изображение», мы раскрывали значение *k3* как субъекта вечной жизни. Это его внешний по отношению к человеку аспект, ибо он функционирует здесь как совершенно самостоятельное и независимое от своего «оригинала» существо. Однако ничуть не менее важен и внутренний аспект *k3*, особое внимание которому уделяли А. Эрман и его последователи. *K3* является основой бытия человека, без которой он просто не существует, организатором мыслительных и физиологических процессов, гарантом как психической, так и телесной активности. Без четкого разделения двух указанных составляющих, тесно переплетенных друг с другом, никакое корректное исследование *k3* невозможно, и именно невнимательностью к их разнородности в первую очередь объясняется неудовлетворительность

всех существующих теорий. Если же мы будем строго проводить такое разделение, то очень многие вопросы, прежде всего касающиеся начальных этапов развития представлений о *k3*, станут гораздо более понятными.

Появление изображений в гробницах I дин. служит индикатором возникновения представления об «изобразительном *k3*», что же касается более раннего времени, то никаких надежных доказательств его существования мы не находим. Если основываться только на использованных в настоящей книге материалах, может даже сложиться впечатление, что категория *k3* и круг связанных с ней представлений действительно имеют относительно позднее происхождение и возникают в связи с усложнением [245] жизни общества, живущего в условиях быстро развивающейся государственности. Однако мгновенное (в исторических масштабах) возникновение столь основополагающей концепции невозможно; это априорное заявление подтверждается существованием древнего корня **k3* с широким спектром значений множественности и умножения, который должен восходить по крайней мере к V тыс. до н. э. К тому же тот факт, что изображение не создает *k3*, а только его фиксирует, доказывает, что представление о *k3* могло существовать задолго до появления гробничных изображений.

И это неудивительно. Представление о «неизобразительном *k3*» могло и должно быть гораздо более ранним, чем идея «изобразительного *k3*». Мысль о том, что существует нечто, обеспечивающее жизненные функции человека, совершенно естественна и возникает во всех краях земли в глубочайшей первобытной древности. Это «нечто» для того, чтобы выполнять свою задачу управления человеком, должно быть противопоставлено ему по самой своей сути и в то же время находиться с ним в теснейшей связи. Именно таков «неизобразительный *k3*», насколько мы можем его себе представить.

Древнее сознание, вообще склонное к персонификациям, легко превращает управляющее человеком «нечто» в существо (здесь особенно сказывается его чрезвычайно личностный характер). Очень естественно, что в этой роли может выступать плацента, которая, с одной стороны, является частью человека, но, с другой стороны, существует отдельно от него. Этнографически это засвидетельствовано в Центральной Африке у народа баганда: хранившиеся в специальном «реликварии» плацента и пуповина царя считались обеспечивающими его жизнь, а после его смерти становились объектом культа. Еще в начале века Э.М. Блэкмен предположил, что подобное представление существовало и в додинастическом Египте, и вплотную подошел к пониманию связи *k3* царя и его плаценты [Blackman, 1916-1; 1916-2]. Позднее его идею развил Г. Фрэнкфорт [Frankfort, 1948-1 = 1978, p. 69–78], но, к сожалению, она так и остается в разряде гипотез. Между тем надежные подтверждения ее существуют, так что, по-видимому, изначально *k3* действительно мыслился как плацента, то есть как близнец человека, рождающийся вместе с ним и затем обеспечивающий его жизнедеятельность (ср. египетскую практику определения жизнеспособности младенца по его реакции на питье, изготовленное из его плаценты и молока [Deines et al., 1958, S. 291]).

Поскольку мышление первобытного человека всецело мифологично, следует полагать, что и древнейший «неизобразительный *k3*» был включен в общую мифологическую картину мира. Косвенным подтверждением этого может служить то, что *b3*, представление о котором в основном должно было сложиться в глубокой древности, и в династические времена [246] всегда находился в достаточно очевидном мифологическом контексте. В этом состоит коренное отличие «*k3* неизобразительного» от «изобразительного *k3*» Старого царства, который, как мы могли убедиться, абсолютно немифологичен и внемифологичен. Как мог произойти переход от древнейшего *k3* к совершенно непохожему на него более позднему Двойнику, мы поймем, только рассматривая эти представления не изолированно, как это делается обычно, а в контексте всей идеологии Старого царства и, в первую очередь, царской идеологии.

Возникновение единого централизованного государства оказалось переломным моментом в развитии египетского мировоззрения [Большаков, 1993-1]. Прежде всего,

своеобразно трансформировалась идея божественности царя, восходящая, вероятно, к общеафриканскому культурному субстрату. Подавление всех негосударственных структур мощной бюрократией привело в Старом царстве к высочайшей в истории человечества концентрации власти в руках царя. При этом, в силу изолированности Египта от окружающего мира, власть над ним (с внутренней точки зрения) автоматически превращалась во власть над всем миром (причем отнюдь не в теории, а вполне реально — с другим миром кроме нильской долины египтянин практически не сталкивался). В результате царь занимает совершенно особенное место в картине мира (см., например: [Posener, 1955; Goedicke, 1960; Barta, 1975]).

Происходит не просто обожествление верховного правителя, которое встречается повсеместно, — царь оказывается единственным на земле существом, которое в силу своей божественной природы может общаться с богами, приносить им жертвы, и только невозможность одновременно находиться во всех храмах страны заставляет передоверять совершение культа жречеству. Поскольку мироздание в египетском представлении находится в шатком равновесии на грани хаоса и, будучи предоставленным себе, оно неизбежно к нему скатывается, а мировая гармония *mꜣt* поддерживается принесением жертв, царь становится той ключевой фигурой, от которой зависит само существование мира (см., например, Puz. 265c, 1775b). По сути дела, его роль в мироздании превосходит роль большинства богов, ибо именно и только он удерживает вселенную от катастрофы.

Превращение царя в бога и отделение его от людей должно было сопровождаться столь же значительными, но противоположно направленными изменениями в объяснении места человека в мире. В рамках этой тенденции человек должен был лишиться всякой связи с богами, со сверхъестественным мифическим миром. Так и происходило на самом деле: до начала Среднего царства принесение жертвы богу человеком от своего имени было невозможным; в Среднем царстве мы знаем только два упоминания такого жертвоприношения, причем оба в литературных текстах, описывающих чрезвычайные события. В «Повести Z3-nh.t» это [247] происходит в чужой стране (pBerlin 3022, 156–173), а в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» — на необитаемом острове (pHermitage □1115, 55), т. е. вне Египта, вне единственно возможного мирового порядка, где египетская система социальных ролей не действует и где человек просто вынужден действовать самостоятельно.

Такое превращение человека в существо, лишенное связи с богами, должно было всячески поддерживаться высшей властью, ибо оно усиливало ее дистанцированность от масс, однако доведению этого процесса до логического завершения — полной приземленности человека — мешало то обстоятельство, что как бы ни была секуляризована земная жизнь, существовали представления о фантастической вечной жизни, в которой — в силу самой ее природы — человек оказывался в непосредственном контакте со сверхъестественным. Поскольку представления о загробной жизни занимают одно из центральных мест в культуре, они отличаются исключительной стабильностью и не поддаются модификациям, которые могут либо вести к распаду всей культуры, либо сами оказываются нестойкими (как, например, во времена *3h(.j)-n(j)-jtn*). Однако в Старом царстве удалось найти идеальный заменитель изначальным представлениям о загробной жизни и тем самым абсолютизировать отрешение человека от богов. Толчок этому, вероятно, дала специфика египетского искусства.

Развитие иероглифической системы письма повело к тому, что уже в эпоху раннего государства сложилась мощная художественная традиция, впервые в мировой истории позволившая изображать человека довольно близко к реальности (о связи иероглифики и изобразительности см., например: [Wolf, 1957, S. 95–97, 203; Smith, 1958, p. 4; Müller, 1959, S. 7, 15; 1970, S. 111; Fischer, 1986]). Поскольку древнейший *kꜣ* есть близнец человека, а изображение порождает у смотрящего образ изображенного и тем самым также создает его «близнеца», было более чем естественно связать *kꜣ* с изображением. При этом изображение-Двойник может гарантировать будущую жизнь гораздо надежнее, чем близнец-плацента, ибо

его можно выполнять в вечном материале — камне, и умножать до бесконечности. Открытие это потрясло египтян и положило начало той линии развития, которая привела к рассматривавшемуся выше представлению, в значительной мере определившему основные черты культуры династического Египта. Центр тяжести в обеспечении бессмертия был перенесен на изображения.

Так возникло представление о мире-Двойнике, всецело основанное на изображениях и возможное только потому, что наличие художественной школы и больших материальных ресурсов позволяло изготавливать их в огромных количествах.

Как только появилась мысль о неразрывной связи *k3* и изображения, стало возможным пересмотреть основные идеологические концепции. При помощи изображений для Двойника можно было создавать целый мир, [248] в основном повторяющий мир земной, представляющий собой перенесенное в бесконечность и в деталях улучшенное продолжение земной жизни. В нем Двойник, разумеется, оставался отделенным от богов, как был отделен от них человек в своей жизни, однако это не оказывалось катастрофой. Поскольку мир-Двойник, в отличие от загробных миров других культур, предназначался только для своего хозяина и не был связан с другими аналогичными мирками, в нем хозяин становился центральной фигурой, вокруг которой этот мир вращался и для которой он единственно и существовал. Человек получал в вечное владение целый мир, причем в масштабах этого мира его власть была абсолютна, тогда как никакой власти над ним самим — ни человеческой, ни царской, ни божьей — не было. Разумеется, такое сочетание полной обеспеченности и абсолютной независимости более чем компенсировало отсутствие связи с богами.

Итак, мир-Двойник послужил замечательной заменой сверхъестественной загробной жизни, и его конструирование позволило окончательно отделить человека от царя и богов, не подорвав при этом самых устоев культуры. К тому же оно не только удовлетворяло стремление каждого отдельного человека к идеальной вечной жизни, но и было в высшей степени благотворно для общества в целом. Этот мир можно было создавать только имея значительные средства, а так как в египетском обществе, основанном на всеобъемлющей системе должностей, только служба могла дать человеку богатство, стремление к бессмертию в мире-Двойнике было сильнейшим стимулом к добросовестной службе и тем самым — прекрасным стабилизатором государства.

Появление «изобразительного *k3*», конечно, не отменило и не могло отменить «*k3* неизобразительного»: он по-прежнему выполнял функции управления жизнедеятельностью человека, но в силу специфики староегипетских памятников его роль остается практически скрытой от нас. Сохранились лишь незначительные намеки, выявленные Блэкменом и Фрэнкфортом, причем заметны они преимущественно в представлениях о царе, для которых характерна консервация архаичных элементов. Единственный, пожалуй, но зато очень важный реликт представлений о плаценте в мире изображений частных лиц — вечная молодость Двойника, которую нельзя объяснить, не учитывая представлений о «неизобразительном *k3*». Плацента рождается как близнец человека, то есть как ребенок, но человек меняется, а она остается прежней, сохраняет свой «детский» облик; когда *k3* оказался связанным с изображениями, мысль о вечной молодости и неизменности Двойника была перенесена и на них.

Представление об «изобразительном *k3*» оттеснило в Старом царстве на задний план и концепцию *b3*, который на памятниках частных лиц до конца этого периода не встречается. Скорее всего, и здесь не было никакого намеренного запрета: мир-Двойник настолько хорошо заменял загробный мир *b3*, что последний просто утратил значение. [249]

Итак, подведем некоторые итоги. Как правило, под государственной идеологией понимают идеологию царскую, ибо только она непосредственно связана с обоснованием государства и власти. Теперь, когда в представлении о *k3* частного лица мы видим искусственную конструкцию, заменитель, компенсирующий намеренное отделение человека от сверхъестественного с целью абсолютизации божественности царя, становится понятным, что оно является оборотной стороной царской идеологии и, соответственно, частью идеологии государственной.

То, что мир-Двойник был именно искусственной конструкцией, подтверждают три обстоятельства. Во-первых, гробницу могли сооружать только очень немногие и, стало быть, большинство «изобразительного *k3*» не имело. Представление, лишаящее подавляющее большинство населения вечной жизни, естественным образом возникнуть не может, а значит, то, с чем мы имели дело до сих пор, — лишь теория, специально разработанная для верхушки, тогда как у низших слоев должны были существовать какие-то свои взгляды, несомненно, пришедшие из первобытности. Во-вторых, всякая концепция загробной жизни представляет собой борьбу со смертью, тогда как мир-Двойник хотя и исполняет функции загробного, по сути своей таковым не является и к смерти отношения не имеет. Это также не может быть естественно развившимся представлением, тогда как предположение о мире-Двойнике как заместителе истонного загробного мира сразу же ставит все на свои места. В-третьих, после гибели Старого царства, когда экономическая ситуация сделала сооружение больших гробниц с изображениями невозможным, роль представлений о *k3* уменьшилась, а на передний план вышел мир *b3*, описываемый Текстами саркофагов. Невозможно представить себе столь крутой поворот, если только это не был возврат от искусственной идеологии к естественному мировоззрению.

Внедрение концепции «изобразительного *k3*» создало в самом сердце египетского мировоззрения практически немифологизированную область — явление, с которым в древнейшей истории мы больше нигде не встретимся. При этом, правда, дело обстоит гораздо сложнее, чем описывалось здесь. Мир-Двойник действительно предельно реалистичен в смысле копирования действительности, однако многое, выглядящее в нем совершенно обыденно, имеет и второй, символический аспект. Например, закляние жертвенных животных направлено в мире-Двойнике на выполнение чисто практической задачи — обеспечение хозяина едой, производство тех самых кусков мяса, что перечисляются в списке жертв, — меню для вечности. Однако наряду с этим закляние символизирует победу над воплощающимися в животном злыми силами (см. литературу: [Altenmüller, 1975-1, Anm. 12]). Точно так же возлияние должно утолять жажду хозяина, но на уникальном жертвеннике *Stw* (CG 1330) [250] [Borchardt, 1937, Bl. 5; Mostafa, 1982, Taf. 13] отмечены уровни воды, имитирующие высоту Нила в разные сезоны. Тем самым возлияние оказывается связанным с представлениями о природе разливов Нила, имеющими сугубо мифологический характер. Эти идеи, противоречащие концепции мира-Двойника, явно пришли из времен, предшествовавших ее появлению, были ею вытеснены и проявлялись только в виде намеков, что означает их относительную неважность. Вместе с тем их живучесть и возрождение в последующие эпохи свидетельствуют об их истонном характере.

Таким образом, несомненная немифологичность мира-Двойника еще ни в коем случае не говорит о демифологизации сознания египтянина в целом — просто мир-Двойник и мифический мир сосуществовали почти не соприкасаясь. Тем не менее сама возможность более или менее сознательного создания важнейшей идеологической концепции на столь раннем этапе в высшей степени примечательна.

Все сказанное — это, разумеется, даже не схема, а очень предварительные наброски, и потребуются еще большая и сложная работа, чтобы поднять понимание проблематики «неизобразительного *k3*» хотя бы до достигнутого здесь уровня понимания «*k3* изобразительного» (не говоря уже о совершенно особой теории царского *k3*). В этих набросках очень многое неточно и пока что умозрительно, и если автор позволяет себе изложить их, то лишь потому, что они все-таки объясняют его позицию по не затронутым в книге вопросам, имеющим принципиальное значение.